

СТРАТЕГИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ОТНОШЕНИИ КНР В ПЕРВЫЙ СРОК АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА И ПРОГНОЗЫ НА ВТОРОЙ СРОК: ОЦЕНКИ КИТАЙСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация

В статье проводится системный анализ технологической стратегии администрации Трампа в отношении Китая в течение первого срока. Особое внимание уделяется систематизации основных мер политики технологического сдерживания со стороны США, их стратегических целей и практической эффективности. Углубленно анализируется оценка данной стратегии авторитетными китайскими исследовательскими центрами, а также рассматриваются прогнозы китайских экспертов относительно возможной эволюции технологической политики США в период второго срока Трампа. Оцениваются потенциальные риски и вызовы для Китая и предлагаются соответствующие стратегические ответные меры. Результаты исследования показывают, что, хотя технологическое сдерживание со стороны США создало для Китая краткосрочные вызовы, оно также стимулировало переход к модели развития, сочетающей самостоятельные инновации с открытостью международному сотрудничеству высокого уровня. Технологическое соперничество между Китаем и США превратилось в долгосрочную и многомерную стратегическую игру, глубокие последствия которой заслуживают постоянного внимания.

Ключевые слова: технологическая стратегия США, администрация Трампа, китайско-американское технологическое соперничество, прогнозы политики, оценка китайских экспертно-аналитических центров.

Автор

Сянь Чаолин

Аспирантка кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Введение

С момента инициирования администрацией США политики вовлечения Китая Соединенные Штаты на протяжении длительного времени рассчитывали, что интеграция КНР в возглавляемую ими международную систему позволит сформировать Китай в большей степени соответствующий их ценностным ориентирам. Однако по мере того как Китай, придерживаясь собственного пути развития, соответствующего национальным особенностям, добился значительного роста совокупной государственной мощи, внутри США произошла кардиналь-

ная трансформация стратегического восприятия Китая. В «Стратегии национальной безопасности США» 2017 года КНР впервые была четко определена как «стратегический конкурент», что ознаменовало смену базового курса политики Вашингтона в отношении Пекина — от вовлечения к противоборству [25]. Опубликованная в мае 2020 года «Стратегическая концепция США в отношении Китайской Народной Республики» официально провозгласила завершение «эры вовлечения» и переход американо-китайских отношений в новую фазу, главной осью которой стало стратегическое соперничество [30].

В данном контексте технологическая сфера в силу своего глубокого воздействия на экономическую конкурентоспособность, военную мощь и международную дискурсивную власть быстро превратилась в ключевое поле стратегического противоборства между двумя державами. В 2015 году Китай обнародовал план «Сделано в Китае 2025», определив десять приоритетных направлений развития, включая новейшие информационные технологии и высокотехнологичное оборудование [24]. Целью инициативы является преобразование страны из «крупной производительной державы» в «производственную державу мирового уровня», переход от «сделано в Китае» к «создано в Китае». В следующем году «Основные положения государственной стратегии инновационно-ориентированного развития» также выдвинули стратегические задачи достижения «технологической самообеспеченности и самостоятельности» и «обеспечения независимого контроля над ключевыми технологиями», четко определив трехэтапную стратегию построения к 2050 году могущественной мировой державы в области научно-технологических инноваций [27].

Администрация Трампа расценила эти технологические и промышленные инициативы Китая как серьезный вызов своей технологической гегемонии и экономическим интересам, обвиняя Пекин в продвижении индустриальной модернизации через принудительный трансфер технологий, государственно-управляемое приобретение передовых разработок и так называемые киберзаимствования [28]. Вице-президент Майк Пенс публично заявлял, что Китай намерен добиться доминирования в 90% передовых отраслей мировой промышленности через программу «Сделано в Китае 2025» [29]. Исходя из подобных оценок внутренней политики Китая и траектории его технологического развития, администрация Трампа кардинально пересмотрела

свою технологическую стратегию в отношении КНР, приняв ряд жестко конфронтационных мер в попытке сдержать технологический подъем Китая, что привело к значительной эскалации двустороннего технологического противостояния.

Как убедительно демонстрирует в своих работах Пол Кеннеди, технологическое и экономическое превосходство составляет материальную основу для поддержания глобального лидерства [21]. Стремительное технологическое развитие Китая в этой связи воспринимается Соединенными Штатами как потенциальная угроза устоям их доминирующего положения. В соответствии с теорией смены гегемонии Роберта Гилпина США в качестве доминирующей державы неизбежно прибегают к различным инструментам, включая меры по защите национальной промышленности и международные ограничения в технологической сфере, с целью замедлить возвышение Китая и сохранить свое превосходство [20]. Технологическая стратегия администрации Трампа в отношении Китая представляет собой яркое проявление данной исторической закономерности на современном этапе.

С момента первого прихода к власти администрации Трампа в 2017 году китайские исследовательские центры непрерывно отслеживают и систематически анализируют эволюцию и последствия ее технологической стратегии в отношении Китая. Возвращение Дональда Трампа на пост президента США в январе 2025 года и потенциальное усиление технологического противостояния с КНР в течение его второго срока стали центральным вопросом, привлекающим внимание академического сообщества. В данной статье рассматриваются следующие ключевые проблемы: как китайские исследовательские центры определяют фундаментальные цели и ключевые инструменты данной стратегии? Какое конкретное воздействие она оказала

на технологическое развитие Китая? И, что наиболее существенно, как точно оценить новые вызовы, возникающие в технологической сфере со стороны США, и сформировать эффективную стратегию реагирования?

Настоящее исследование опирается на материалы и экспертные оценки ведущих китайских аналитических центров. Эмпирическая база исследования сформирована на основе публикаций экспертов из авторитетных университетских структур, таких как Университет Цинхуа, Фуданьский университет, Нанкинский университет и Нанкайский университет, а также на работах специалистов профильных государственных институтов, включая Шанхайский институт международных проблем, Китайский институт современных международных отношений, Китайскую академию наук и Китайскую академию общественных наук. Исходя из указанной проблематики, в статье сначала систематизируются основные методы технологического давления на Китай, применявшиеся в течение первого срока администрации Трампа. Затем осуществляется углубленный анализ интерпретаций данной политики официальными и академическими аналитическими центрами Китая, выявляются точки консенсуса и расхождения в их оценках. В заключение, на основе прогностических оценок этих центров относительно первоначальных шагов администрации Трампа во втором сроке, анализируются практическая эффективность и ограниченность текущей технологической стратегии в отношении Китая, а также потенциальные траектории ее будущей эволюции, и предлагаются варианты стратегических ответных мер КНР.

Инструментарий технологического сдерживания Китая в первый срок администрации Дональда Трампа

С приходом администрации Трампа в 2017 году стратегия полномасштаб-

ной «технологической дезинтеграции» стала ядром американской политики в научно-технической сфере, направленной на сохранение конкурентного превосходства в противостоянии с КНР. В СНБ 2017 года подчеркивалось: «Для сохранения конкурентных преимуществ США будут уделять приоритетное внимание новым технологиям, имеющим решающее значение для экономического роста и безопасности», что отражало центральную роль технологического доминирования в архитектуре американской стратегической доктрины [25]. Целью технологического соперничества администрации Трампа стало сдерживание технологического прогресса Китая и модернизации его промышленности, что проявилось в целенаправленном противодействии реализации программ «Сделано в Китае 2025», призванных подорвать динамику экономического и технологического развития КНР [22].

В СНБ 2017 года утверждалось: «Ежегодно конкуренты, прежде всего Китай, присваивают американские интеллектуальные активы на сотни миллиардов долларов» [25]. Это получило институциональное оформление в июне 2018 года, когда Офис по торговой и промышленной политике Белого дома опубликовал доклад «Как китайская экономическая агрессия угрожает технологиям и интеллектуальной собственности США и мира», обвинив Пекин в систематическом принуждении к технологическим трансферам и хищении объектов интеллектуальной собственности [18]. Подобная оценка технологического соперничества как «угрозы национальной безопасности» создала концептуальную основу для последующей политики разъединения. С этого момента Вашингтон последовательно наращивал административные барьеры для американо-китайского технологического сотрудничества, ограничивая свободное перемещение технологий, данных и специалистов через механизмы экспортного контро-

ля, санкционных списков и визовых ограничений.

В сфере инвестиционного контроля США усилили меры по ограничению китайских инвестиций с целью предотвращения доступа китайских компаний к критическим технологиям и интеллектуальной собственности. 13 августа 2018 года Конгресс США принял «Закон о модернизации проверки иностранных инвестиций на предмет рисков» (FIRRMA), значительно расширивший полномочия Комитета по иностранным инвестициям в США (CFIUS) [16]. Согласно новым правилам, в зону контроля были включены «неконтролирующие инвестиции», «критические технологии» и «чувствительные данные», что позволило ограничить инвестиции китайских предприятий в американский технологический сектор и ввести обязательное уведомление о сделках, связанных с приобретением критических технологий. Данный закон был интегрирован в «Закон Джона С. Маккейна о разрешении ассигнований на национальную оборону на 2019 финансовый год» (NDAA 2019) [26], а также скоординирован с тарифными мерами и включением компаний в «черный список». Все эти меры направлены на сдерживание технологического развития Китая через ограничение доступа к передовым американским технологиям.

В области экспортного контроля стратегия США сосредоточилась на противостоянии Китаю в сфере 5G, реализуя политику поэтапного технологического разъединения. С одной стороны, вступивший в силу 13 августа 2018 года «Закон о реформе экспортного контроля» (ECRA) расширил охват ограничений, введя специальный режим для «прорывных технологий», что позволило блокировать экспорт передовых разработок в КНР для сохранения американского технологического превосходства [19]. С другой —

последовало системное подавление китайских технологических гигантов.

21 мая 2019 года Бюро промышленности и безопасности (BIS) включило Huawei Technologies Co., Ltd. в санкционный список (84 FR 22961), запретив поставки чипов и программного обеспечения без лицензии под предлогом «угрозы национальной безопасности» [13]. Эскалация санкций продолжилась 20 августа 2020 года (85 FR 51596) добавлением в список 68 аффилированных структур Huawei [14]. 22 декабря 2020 года (85 FR 83416) в список была внесена Китайская национальная корпорация по производству интегральных схем (SMIC) с ограничением доступа к технологиям 10 нм и менее в связи с потенциальным военным использованием технологий [15]. Данные меры были направлены на сдерживание развития китайских 5G-технологий и подрыв глобальных цепочек поставок китайских высокотехнологичных компаний, отражая стремление США укрепить собственную гегемонию в условиях стратегического соперничества с Китаем.

В сфере научно-исследовательских обменов администрация Трампа, апеллируя к рискам для национальной безопасности, последовательно проводила политику технологического национализма. Это выражалось в административных мерах по ограничению академической мобильности китайских экспертов, студентов и исследователей, а также в ужесточении визовых процедур. Идея «защиты инновационной базы национальной безопасности от действий конкурентов», закрепленная в СНБ 2017 года [25], была операционализирована в ноябре 2018 года через программу «Китайская инициатива» (China Initiative) Министерства юстиции США [12]. Под лозунгом борьбы с «экономическим шпионажем» были инициированы расследования против ученых в области полупроводников и искусственного интеллекта, обвиняемых

в незаконной передаче технологий. Суть инициативы заключалась в подрыве гуманитарных и технологических обменов между Китаем и США, ослаблении инновационных способностей КНР в высокотехнологичных сферах и сокращении ее кадрового потенциала, что позволяло США сохранять доминирующую позицию в глобальной технологической конкуренции.

Китайская сторона решительно отвергает безосновательные обвинения со стороны США. 24 сентября 2018 года Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Факты и позиция Китая по торгово-экономическим трениям между Китаем и США», в которой категорически опровергаются утверждения США о «принудительной передаче технологий» и «краже интеллектуальной собственности» как не имеющие фактических доказательств. В документе подчеркивается, что технологические инновации Китая базируются на принципах самостоятельной разработки. КНР последовательно реализует международное технологическое сотрудничество, руководствуясь принципом взаимной выгоды. Обвинения администрации США в «хищении» передовых технологий дискредитируют многолетние усилия Китая в области научно-технического прогресса [17].

Для защиты законных интересов китайских компаний Китай предпринял ответные меры. 19 сентября 2020 года Министерство коммерции КНР утвердило «Положение о ненадежных организациях» в качестве прямого ответа на включение Huawei в американский «список организаций» [23]. Согласно этому документу, к иностранным предприятиям, систематически нарушающим рыночные принципы и договорные обязательства, могут применяться ограничения импорта и экспорта, инвестиционные запреты и финансовые взыскания.

Мы предполагаем три ключевых аспекта логики стратегии Трампа в от-

ношении Китая в данном контексте. Во-первых, администрация стремилась заставить КНР отказаться от политики поддержки высокотехнологичных отраслей и трансфера технологий иностранными компаниями, чтобы нейтрализовать вызов американскому глобальному доминированию. Во-вторых, США пытались монополизировать морально-нормативную повестку, усиливая тем самым легитимность давления на Пекин и привлекая поддержку третьих стран. В-третьих, стратегия основывалась на подходе как игре с нулевой суммой, где технологическое превосходство рассматривалось как инструмент максимизации относительных выгод в торговых отношениях.

Анализ китайских экспертов: эффективность, ответные меры КНР и стратегические последствия

Китайские исследовательские центры в основном едины во мнении, что стратегия технологического сдерживания Китая, проводимая администрацией Трампа, не только не способна в полной мере достичь своих первоначальных целей, но и может усугубить дилемму безопасности между Китаем и США, спровоцировав неконтролируемое нарастание стратегических рисков. По мнению автора, данная стратегия демонстрирует очевидную долгосрочную и конфронтационную направленность, однако ее практическая эффективность не только не способна существенно замедлить инновационные процессы в Китае, но и может подорвать стабильность и открытость глобальной технологической экосистемы.

В оценке влияния данной стратегии на технологическое развитие Китая Чжу Фэн, декан Института международных отношений Нанкинского университета, указывал, что развязанная администрацией Трампа технологическая и торговая война нанесла серьезный удар по Китаю. Китайская экономика и техно-

логии находятся на ключевом этапе перехода от среднего и низкого уровня к высокому, и карательные меры американской стороны действительно затронули болевые точки развития Китая, приведя к реализации сценария «частичного разрыва» технологических связей между Китаем и США [11, с. 7].

Сунь Хайюн, научный сотрудник Центра исследований Америки Шанхайского института международных исследований, дополнительно подчеркивал, что на фоне усиления конкурентного характера китайско-американских отношений негативное воздействие технологической войны США против Китая продолжает распространяться на финансовую, дипломатическую и военную сферы, накладываясь на геополитические противоречия, что может ввергнуть двусторонние отношения в порочный круг [7, с. 61]. Распространение данного «эффекта негативного перелива» не только подтверждает сложность переплетения технологической конкуренции и стратегического противоборства, но и обнажает структурную дилемму, стоящую перед США, которые в процессе защиты технологической гегемонии не могут одновременно обеспечить как краткосрочное сдерживание, так и долгосрочную стабильность.

Ли Чжэн, научный сотрудник Института исследований США Китайского современного института международных отношений, полагал, что «разрыв связей» как конкурентная стратегия США имеет своей основной целью получение преимущества в соревновании национальных инновационных систем Китая и США. Однако данная стратегия обладает очевидными ограничениями и может не оправдать ожиданий. Эти ограничения также создают возможности для смягчения конкуренции и поиска моделей конструктивного взаимодействия между двумя сторонами. Усиление стратегического диалога по вопросам технологической безопасности

может способствовать снижению уровня конфронтационного восприятия и переводу конкуренции в более конструктивное русло [4, с. 39–40].

Что касается ответных мер, то, по мнению Чжу Фэна, в долгосрочной перспективе Китай неизбежно пройдет путь промышленной модернизации и технологических инноваций, основанный на преимуществах собственного рынка и технологического потенциала. Однако в краткосрочной перспективе, в условиях ускоренной реконфигурации глобальных производственных цепочек, Китаю предстоит пережить сложный период адаптации в сфере промышленных, технологических и рыночных инноваций. Столкнувшись с «качественной трансформацией» китайско-американских отношений, Китай, сохраняя стратегическую устойчивость, должен продолжать оптимизацию внешней политики, формировать благоприятную международную среду для развития и всесторонне углублять интеграцию в глобальную экономическую систему. Содействие возобновлению торговых переговоров с США и смягчение технологического давления составляют важную основу для стабилизации двусторонних отношений при сохранении курса развития, «ориентированного на собственные силы» в качестве ключевого элемента [11, с. 7].

Сунь Хайюн отмечал, что, учитывая общую конфронтационную направленность стратегии США в отношении Китая, меры сдерживания в технологической и промышленной сферах вряд ли претерпят кардинальные изменения в краткосрочной перспективе и могут быть дополнительно усилены. В этой связи Китаю следует, при соблюдении рыночных принципов, активизировать самостоятельные инновации для снижения зависимости от внешних технологий в критически важных областях, параллельно углубляя реформы и открытость, расширяя пространство

для китайско-американского сотрудничества в двусторонних и многосторонних форматах, что позволит смягчить стратегическое давление и повышать потенциал адаптации [6, с. 94–97].

Хуан Чжаолун, научный сотрудник Института управления имени Чжоу Эньляя Нанкайского университета, подчеркивал, что в контексте переплетения четвертой технологической революции и стратегического соперничества великих держав США неизбежно будут ужесточать стратегию «сдерживания» технологического прогресса Китая, оказывая продолжительное воздействие на высокотехнологичные отрасли китайской экономики. Перед лицом риска технологических ограничений «сдерживания за горло», Китай должен укреплять уверенность, совершенствовать институциональные механизмы технологических инноваций и добиваться долгосрочной конкурентоспособности через достижение технологической «самостоятельности и самодостаточности» [10, с. 93–94].

Вэй Цунью, профессор Центра исследований США Фуданьского университета, предлагал стратегически твердый, но тактически гибкий подход к реагированию на технологическую политику США для снижения ее негативного влияния. Он рекомендует пять мер: отслеживание динамики и оценку рисков политики США; создание межведомственного механизма под руководством Госсовета для прорыва технологической блокады и коммерциализации исследований; оптимизацию политики в отношении талантов для привлечения зарубежных специалистов; использование дипломатических и торгово-экономических механизмов для выражения озабоченности и увязки технологических и торговых вопросов; возобновление гуманитарного диалога по вопросам виз и технологического сотрудничества [3, с. 152]. Кроме того, Китаю следует активнее участвовать в формировании инклюзивной много-

сторонней системы международных технических правил, чтобы нейтрализовать технологическую гегемонию на институциональном уровне.

Взгляд в будущее: прогнозы китайских экспертов на второй срок администрации Трампа

Развитие Китая в сфере научно-технологических инноваций в период второго срока Дональда Трампа столкнется с усложнением внешних условий, нарастанием рисков геополитической нестабильности и углублением взаимосвязи между технологической революцией и стратегическим соперничеством великих держав. Китай и впредь будет противостоять вызовам стратегической конкуренции со стороны США с позиций стратегической выдержки и повышенной бдительности. Согласно преобладающей в экспертной среде точке зрения, несмотря на растущее внешнее давление, системные стратегические возможности сохраняются даже в условиях кризиса.

Как подчеркивал Генеральный секретарь Си Цзиньпин, модернизация Китая опирается на технологическое развитие, а для достижения качественного роста необходимо формировать новые импульсы развития через научно-технические инновации. Необходимо в полной мере осознавать стратегическую роль и фундаментальное значение технологий, твердо придерживаться курса на построение технологической державы к 2035 году, усиливать стратегическое планирование и скоординированную реализацию задач, ускоряя достижение высокого уровня технологической самостоятельности и независимости [5, с. 5].

Как отмечают исследователи Национальной научной библиотеки Китая Китайской академии наук Ван Баочэн и Дун Юй, по сравнению с периодом «Трампа 1.0», политика администрации «Трампа 2.0» будет отличаться большей

радикальностью и широким охватом. По их оценкам, будущая научно-техническая политика Трампа, вероятно, будет характеризоваться повышенной поляризацией, сосредоточением на критических и перспективных технологиях, свертыванием международного научно-технического сотрудничества и усилением давления на страны, воспринимаемые как угроза интересам США [1, с. 1]. Подобный политический курс не только окажет серьезное негативное воздействие на внутреннюю научную экосистему США, что приведет к ослаблению исследовательского потенциала, ограничению академических свобод и оттоку квалифицированных кадров, но также дестабилизирует глобальное научно-техническое сотрудничество, создав дополнительные вызовы для системы управления технологической безопасностью.

Что касается альянсовой стратегии, как отмечает заместитель начальника научно-исследовательского отдела Института международных исследований Университета Цинхуа Тан Синьхуа, в течение второго срока Дональда Трампа новая администрация США приступит к реструктуризации системы альянсов на основе стратегических трансакций, продвигая концепцию «взаимовыгодной дипломатии». Созданная в период администрации Байдена система технологических альянсов подвергнется фрагментации и реорганизации под влиянием противоборства между «новым изоляционизмом» и «консервативным интернационализмом», при этом тенденция к формированию много-полярных взаимовыгодных альянсов станет более выраженной. В процессе данной трансформации альянсовой архитектуры стратегическая конкуренция за структурную технологическую власть значительно обострится, что приведет к трансформации международного порядка от системы, «основанной на правилах», к системе, «основанной на силовом превосходстве» [8, с. 71].

Кроме того, необходимо уделять повышенное внимание специфическим рискам, возникающим на стыке технологического соперничества и геополитики, среди которых ключевое значение имеет тайваньский вопрос. Как указывает младший научный сотрудник Института Тайваня Китайской академии общественных наук Ван Цици, в случае перехода от «Трампа 1.0» к «Трампу 2.0» роль так называемой тайваньской карты как стратегического инструмента давления на Китай значительно возрастет. Технологическое сотрудничество между США и Тайванем будет всецело подчинено интересам Вашингтона по усилению собственных позиций за счет ослабления Китая, что может привести к превращению передовых отраслей Тайваня в инструмент американской технологической системы и геополитического манипулирования [2, с. 63]. В данной связи требуется уделять пристальное внимание последствиям американо-тайваньских торгово-экономических договоренностей и тенденциям развития двустороннего сотрудничества в сфере высоких технологий.

Перед лицом двойственных вызовов и потенциальных возможностей, возникающих в контексте политики «Трампа 2.0», Китаю надлежит активно использовать преимущества глобальной мобильности высококвалифицированных кадров, обусловленные неопределенностью научно-технической политики США, для привлечения ведущих технологических специалистов. Одновременно необходимо использовать образовавшееся в результате стратегической контракции США международное пространство для углубления инновационной кооперации с европейскими странами, государствами БРИКС, ШОС и АСЕАН. Сохраняя приверженность курсу на технологическую самообеспеченность и самостоительность, следует поддерживать открытость коммуникации и выявлять потенциальные возможности для ки-

тайско-американского сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес.

Как подчеркивают профессор Хань Чжаоин и его коллеги из Школы государственного управления Чжоу Эньляя Нанкайского университета, современная технологическая конкуренция не приведет ни к bipolarному расколу по образцу холодной войны, ни к восстановлению иллюзорной модели глобального сотрудничества в неолиберальном духе. Вместо этого происходит становление новой парадигмы «стратифицированной взаимосвязанности», формирующйся в условиях постоянного противоборства между geopolитическим реализмом и технологическим мультилатерализмом. Если Китай сумеет сохранить ориентацию на развитие и инклюзивное сотрудничество, сможет эффективно использовать инструменты технологического мультилатерализма, а также участвовать в создании и поддержке нормативно-этических систем технологий, свободных от западной центричности, он сможет достичь морального превосходства и дискурсивного преимущества в процессе трансформации глобального технологического управления [9, с. 86].

Таким образом, перед лицом потенциальных серьезных вызовов второго срока Дональда Трампа фундаментальной основой ответной стратегии Китая остается сохранение стратегической выдержки, неуклонное продвижение курса на технологическую самообеспечимость и самостоятельность, а также расширение многостороннего сотрудничества и гуманитарных обменов. Данный комплексный подход направлен на нейтрализацию политики сдерживания и создание новых стратегических возможностей. Лишь посредством комбинированных усилий в сфере технологических прорывов, усиления системной устойчивости и морального лидерства Китай сможет обеспечить себе доминирующие позиции в условиях все

более конкурентной глобальной технологической архитектуры, заложив тем самым прочную основу для достижения высокого уровня технологической самостоятельности и преобразования в мировую технологическую державу.

Выводы

Китайские аналитические центры в оценке технологической стратегии администрации Трампа в отношении Китая демонстрируют системный, диалектический и стратегически ориентированный подход. Китайские эксперты интерпретируют действия Вашингтона в контексте структурных противоречий между доминирующей и восходящей державами, рассматривая технологическую конкуренцию как часть долгосрочной стратегии сдерживания, направленной на сохранение американской технологической гегемонии и замедление роста Китая.

Оценивая влияние данной стратегии, китайские исследователи придерживаются диалектического подхода: с одной стороны, признается, что ограничительные меры США создали серьезные вызовы для технологического развития Китая в краткосрочной перспективе и выявили уязвимости в цепочках создания стоимости; с другой — подчеркивается эффект «стимулирования через противодействие», который объективно ускорил движение Китая к технологической самодостаточности и созданию независимой и контролируемой технологической системы. В то же время китайские аналитические центры уделяют значительное внимание внутренним противоречиям и ограничениям самой американской стратегии, включая ее разрушительное воздействие на глобальную инновационную экосистему, ущерб интересам американского бизнеса и практическую трудность достижения полного «технологического отрыва».

На этой основе оценки китайских аналитических центров отличаются вы-

раженной практической ориентированностью и стратегической перспективой. Существует консенсус, что Китаю следует придерживаться принципа «опоры на собственные силы», увеличивать инвестиции в научные исследования, углублять реформы и открытость, стимулировать прорывы в области ключевых высоких технологий, одновременно гибко используя многосторонние механизмы и двусторонние каналы коммуникации для активного формирования благоприятной международной среды в сфере технологического сотрудничества.

Прогнозируется, что на втором сроке Трампа противостояние в техно-

логической сфере усилится, а американо-китайская конкурентная динамика приобретет затяжной характер. США, вероятно, будут осуществлять всестороннее сдерживание Китая в различных областях, что сделает угрозы безопасности и вызовы развитию, с которыми сталкивается Китай, более разнообразными и системными. Таким образом, Китаю необходимо всесторонне подготовиться к затяжной и системной стратегической конкуренции. Примечательно, что в этой стратегической игре, которая будет иметь долгосрочные последствия, Китай демонстрирует растущие уверенность и устойчивость.

Литература

1. *Ван Баочэн, Дун Юй.* Анализ научно-технической политики, тенденций и последствий «Трампа 2.0» в США // Научно-технические кадры Китая. — 2025. — № 2. — С. 1–14.
2. *Ван Цици.* Исследование тенденций сотрудничества между США и Тайванем в области высоких технологий в период «Трампа 2.0» // Тайваньские исследования. — 2025. — № 3. — С. 52–63. DOI: 10.13818/j.cnki.twyj.2025.03.005.
3. *Вэй Цзуньюо.* Анализ политики администрации Трампа по ограничению американо-китайских научно-технических и гуманитарных обменов // Исследования по американским проблемам. — 2020. — № 1. — С. 133–152, 175–176.
4. *Ли Чжэн.* Глубинные мотивы и долгосрочные тенденции технологического «разъединения» между США и Китаем, продвигаемого США // Современные международные отношения. — 2020. — № (01). — С. 32–60.
5. *Си Цзиньпин.* Смело двигаться вперед к великой цели построения технологически мощной страны // QiuZhi. — 2025. — № 4. — С. 4–7.
6. *Сунь Хайюн.* Технологическая стратегия администрации Трампа в отношении Китая: ее влияние и ответные меры // Международный обзор. — 2019. — № 11(03). — С. 78–97, 159–160. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.201903005.
7. *Сунь Хайюн.* Наступательный технологический национализм и технологическая война США против Китая // Международный обзор. — 2020. — № 12(05). — С. 46–64, 158–159. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.202005003.
8. *Тан Синьхуа.* Перспективы научно-технической дипломатии США во второй срок Трампа // Информационная безопасность Китая. — 2024. — № 12. — С. 68–71.
9. *Хань Чжаоин, Лю Цзинь.* Мотивация и пределы правого поворота Кремниевой долины в эру «Трампа 2.0» // Вестник Нанькайского университета (Философия и общественные науки). — 2025. — № 03. — С. 75–86.
10. *Хуан Чжаолун.* Анализ технологической стратегии США в период администрации Трампа // Вестник Нанькайского университета (Философия и общественные науки). — 2022. — № 03. — С. 86–94.
11. *Чжю Фэн.* Торговая война, технологическая война и «смена парадигмы» в китайско-американских отношениях // Исследования безопасности и морских вопросов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. — 2019. — № 04. — С. 1–14, 133. DOI: 10.19780/j.cnki.2096-0484.20190716.001
12. *Attorney General Sessions Announces New Initiative to Combat Chinese Economic Espionage.* Press Release No. 18–1409. — November 1, 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.justice.gov/archives/opa/speech/attorney-general-jeff-sessions-announces-new-initiative-combat-chinese-economic-espionage> (дата обращения: 25.08.2025).

13. Federal Register. — Vol. 84. — P. 22961–22968. — May 21, 2019. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/05/21/2019-10616/addition-of-entities-to-the-entity-list> (дата обращения: 25.08.2025).
14. Federal Register. — Vol. 85. — P. 51596-51629. — August 20, 2020. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/08/20/2020-18213/addition-of-huawei-non-us-affiliates-to-the-entity-list-the-removal-of-temporary-general-license-and> (дата обращения: 25.08.2025).
15. Federal Register. — Vol. 85. — No. 246. — P. 83416–83432. — December 22, 2020. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/12/22/2020-28031/addition-of-entities-to-the-entity-list-revision-of-entry-on-the-entity-list-and-removal-of-entities> (дата обращения: 25.08.2025).
16. Foreign Investment Risk Review Modernization Act (FIRRMA). Public Law 115–232. — 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5841/text> (дата обращения: 25.08.2025).
17. Full Text: The Facts and China's Position on China-US Trade Friction. — September 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/202207/t20220704_130584.html (дата обращения: 25.08.2025).
18. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. Office of Trade and Manufacturing Policy. — June 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).
19. H.R.5040 — Export Control Reform Act (ECRA). — 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5040> (дата обращения: 25.08.2025).
20. Gilpin R. War and change in world politics. — Cambridge University Press, 1981.
21. Kennedy P. The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. — Random House, 1987.
22. Morrison W.M. China's economic rise: History, trends, challenges, and implications for the United States (CRS Report No. RL33534). Congressional Research Service. — June 25, 2019. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/RL33534.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).
23. MOFCOM Order No. 4 of 2020 on Provisions on the Unreliable Entity List. — September 19, 2020. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/GeneralPolicies/art/2020/art_1889a24134054b5b841134c3fba44654.html (дата обращения 25.08.2025).
24. 'Made in China 2025' plan issued. — May 19, 2015. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2015/05/19/content_281475110703534.htm (дата обращения: 25.08.2025).
25. National Security Strategy of the United States of America. — December 2017. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).
26. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. — 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5515> (дата обращения: 25.08.2025).
27. Outline of the National Strategy of Innovation-Driven Development Background Briefing. — May 23, 2016. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.china.com.cn/zhibo/zhuanti/ch-xinwen/2016-05/23/content_38515829.htm (дата обращения: 25.08.2025).
28. President Donald J. Trump is Confronting China's Unfair Trade Policies, White House. — May 29, 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-confronting-chinas-unfair-trade-policies/> (дата обращения: 25.08.2025).
29. Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. — October 4, 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (дата обращения: 25.08.2025).

30. United States Strategic Approach to The People's Republic of China. — May 26, 2020. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).